

DOI 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-122-132
УДК 340.141

Владимир Александрович Дмитриев

Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0011-5153
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Посредничество в разрешении бытовых конфликтов в культуре горцев Кавказа

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются проявления посредничества в общественных отношениях народов Северного Кавказа и Дагестана и частный вариант посредничества: участие посредников в разрешении конфликтов. Посредничество не только вело к примирению сторон и уравниванию их общественных позиций, но и прекращало цепь взаимных претензий. Анализируются условия и практика применения посредничества горцами Кавказа, перенесение посредничества на предметы материальной культуры и животных, посредничество рассматривается как общий институт разрешения проблем в отношениях патронимий и родов, в том числе брачных. Поведение посредников считалось сакральным действием. От лица посредников декларировалось то, что всеми принималось за истину и имело целью прекращение конфликта. Судебный процесс с посредниками проводили до согласия сторон или хотя бы до согласия самих посредников. Ключевым элементом судебного процесса была присяга, превращавшая утверждения сторон в присутствии посредников в юридический факт, который должны были принять на веру все участники процесса. В ряде случаев, когда принятие присяги не способствовало выявлению истины, могли прибегать к показаниям так называемого доказчика, лица, выполнявшего функции «следователя». Для самого «доказчика» участие в судебном процессе было небезопасным делом, и можно предположить, что его охранял авторитет посредников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказ, конфликт, посредничество, примирение, присяга

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дмитриев В. А. Посредничество в разрешении бытовых конфликтов в культуре горцев Кавказа. *Кунсткамера*. 2021. 4(14): 122–132. doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-122-132

Vladimir Dmitriev

The Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0011-5153
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

Intermediation in Resolving Casual Conflicts in the Culture of Caucasian Highlanders

ABSTRACT. The article contains references to the manifestations of mediation in the public relations of the peoples of the North Caucasus and Dagestan, focusing on a particular form of mediation, i.e. participation of mediators in conflict resolution. Mediation not only led to reconciliation between the parties and equalization of their social positions, but also ended the chain of their mutual claims. The article examines the conditions and practice of using mediation by the mountaineers of the Caucasus and the transfer of mediation to objects of material culture and animals, mediation being considered as a general institution for resolving problems in the relations between patronymies and lineages, including marriage ones. The behavior of the mediators was seen as a sacred act. Through mediators, the communities declared what was accepted by everyone as truth and was aimed at ending the conflict. The litigation with the mediators was carried out until a consent between the parties was achieved, or at least until the consent between the mediators themselves. A key element of the trial was the oath, which turned the statements of the parties, in the presence of the mediators, into a legal fact that all participants in the trial had to accept. In a number of cases, when taking the oath did not contribute to the identification of the desired truth, the participants could resort to the testimony of the so-called “proofer”, a person who performed the functions of an “investigator”. For the proofer himself, participation in the trial was not a safe matter, and it can be assumed that he was protected by the authority of the mediators.

KEYWORDS: Caucasus, conflict, intermediation, reconciliation, oath

FOR CITATION: Dmitriev V. Intermediation in Resolving Casual Conflicts in the Culture of Caucasian Highlanders. *Kunstkamera*. 2021. 4(14): 122–132. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-122-132

Одна из задач этнографического познания — использование традиционных народных знаний в совершенствовании современных общественных отношений. В статье предпринята попытка этнографической реконструкции в области традиционной правовой культуры.

Предположительно, имеет смысл выделить две стороны посредничества. С одной стороны, в нем видится условие общественных отношений, обеспечивающее взаимодействие любых двух общественных единиц, особо — семейно-родственных сообществ. С другой стороны, посредничество институционализировалось в нормах общественного права, относящихся к приемам разрешения конфликтов между семьями в общинах. Таким образом, можно говорить об общем и частном понимании посредничества. Посредничество в частном определении достаточно полно описано в правовой культуре народов Северного Кавказа и Дагестана еще в исследованиях М. М. Ковалевского и материалах его знаменитого труда «Закон и обычай на Кавказе». Этот подход в дальнейшем может быть полезен в изучении общего понимания посредничества.

Сначала отметим случаи, когда посредничество применялось в разных видах общественных отношений, кроме судебного процесса. Наиболее значимым проявлением посредничества было участие посредников в создании брачных связей. Посредники действовали во время сватовства, обручения, во время свадьбы. Они участвовали в выборе брачных партнеров и своими действиями обозначали формирование связей между двумя семьями. Осуществляя подготовку брака по сговору, они совершали визиты к обеим сторонам, посещение семьи невесты происходило несколько раз. Функция посредника исполнялась уважаемыми родственниками жениха, стариками селения. В XIX — начале XX в. на сговор стал приходить жених, но все переговоры велись с его другом. Посредником являлся мулла, который оформлял брачный контракт. В браке уводом участвовал друг жениха, что можно рассматривать как редукцию свадебного поезда. Он мог прикасаться к девушке, завернув ее в бурку жениха. Увидеть функции посредничества можно в действиях Джэгуако-адыгского рапсода по организации предшествующих брачному торжеству конно-спортивных состязаний (Смирнова 1983: 54–65).

Сватом обязательно передавались стороне невесты символы обручения. У хевсур сват дарил отцу жениха наперсток или пряжку, пояс, боевое кольцо (Худатов 1890: 22; Ковалевский 2006: 357). У адыгов вещи свадебного залога назывались «эуж — след руки». Предсвадебное скрывание жениха и изоляция невесты от сговора до свадьбы вели к тому, что институт посредничества принимал своеобразную форму. Без посредничества нельзя было преодолеть поддерживавшие семейную группу и закрывавшие ее от других таких же групп эндогамные и экзогамные запреты.

Посредничество имело место в отношениях кредитования и аренды. Примером может быть институт *мзевали*, отмеченный М. М. Ковалевским в Хевсуретии, Пшавии и Тушетии и имеющий аналоги в тексте Талмуда, согласно которому долг передается третьему лицу. С него кредитор требует возврата долга, причем отказа от мзевали не ждут. Лицо, внесшее плату, получает право требовать с должника двойной долг. Если долг передавался и дальше, то принявший его имел право на сумму, уже большую в четыре раза (Ковалевский 2006: 108, 365). Практика выплаты штрафа за виновника проступка третьим лицом отмечена и в северокавказских адатах (Леонтович 2002: 119).

Посредничество имело место в демонстрации социальной дистанции. У адыгских аристократических и демократических племен имело место обсуждение важных вопросов особыми лицами. Как сообщает К. Ф. Сталь, дворяне или старейшины заседали на вершине холма, а народ ожидал их решений у его подножья: «Старший меж ними (зная) по летам и почету сообщает собранному у подножья народу, чем решено дело» (Леонтович 2002: 96).

Посредничество применялось в отношениях между обществами. У адыгов, когда враждующие племена хотели примириться, высылали посредников, которые заключали соглашение *маслагат*, чтобы жить мирно между собой и совокупными усилиями действовать против общего врага (Леонтович 2002: 139).

В ряде случаев функция посредничества возлагалась на вещи. Представление о том, что посредниками необязательно были люди, а могли быть и предметы, происходит из того, что в обы-

чаях народов Северного Кавказа существовала практика возлагания вины, т. е. способности нанести ущерб, на животных и вещи. Например, в обычном праве осетин вредоносность придавалась «животному, которое спустит камень и этим причинит проходящему ушиб или смерть, на ружье, причинившее поранение; на лошадь, собаку или другое домашнее животное, причинившее смерть, увечья или поранения человеку и т. п.» (Мансуров 1894: 130).

Посредником часто выступало оружие, на котором приносили клятву. В числе медиаторов были животные: при намерении продолжать кровную месть давалась клятва с использованием кошки и собаки. Ритуальное убийство собаки на могиле являлось одним из признаков клятвы, принимаемой в случае готовности вступить в состояние кровной мести (Далгат 1893: 88–90; 1930: 311–312).

Примечательно, что односельчанами практиковалось насыпание груды камней во дворе человека, не исполняющего обязательства, взятые по клятве.

Связующим компонентом в проявлениях посредничества в широкой и частной трактовках является установка традиционной правовой культуры «не прибегать к заранее установленным нормам, а добиваться восстановления общественного равновесия, нарушенного каким-либо потрясением, когда спорные вопросы решаются примирением сторон» (Рулан 2000). Локальность норм правосудия (Леонтович 1882: 94) приближала судебную практику к сфере образа жизни местного населения.

Признанными способами судебного разбирательства были судебные испытания, присяга тяжущихся и соприсяжничество родственников (Пфаф 1871: 213, 218, 210). Во всех случаях присутствовали посредники — уважаемые люди сообщества, участвующие или присутствующие при процессе.

Идея медиаторства в судебной практике существовала в дореволюционном российском законодательстве на Северном Кавказе (третейские, словесные, посреднические, адатные суды, Горский суд в Нальчике) и в законодательстве раннесоветского времени (шариатские суды). Слабые попытки прибегнуть к посредничеству продемонстрировало даже советское законодательство эпохи развитого социализма. Так, в 1960 г. в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации рекомендовалось судам республик, автономных областей и автономных округов, где еще имели место преступления, составляющие пережитки местных обычаев, принять меры к устранению отмеченных недостатков, но было рекомендовано чаще рассматривать дела данной категории с участием прокурора и представителей общественных организаций (Постановление 1994: 179–182). В современной государственной правовой системе РФ также отмечено обращение к институту примирения и посредничества. 1 марта 2007 г. на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству обсуждался законопроект «О примирительной процедуре с участием посредника». В юридической литературе положительно оценивается федеральный закон «Об участии граждан в обеспечении правопорядка» с трактовкой примирительных комиссий с функцией медиаторства как регулятора этносоциальных отношений внутри общества.

В законопроекте «О примирительных комиссиях в Чеченской Республике» (предложен для обсуждения в 2006 г.), получившем одобрение российских юристов, указывается, что в их состав могут входить старейшины, авторитетная часть населения, представители духовенства, лица престарелого возраста. Примирительная деятельность носит рекомендательный характер, ее целью является соглашение между враждующими сторонами и отказ от насильственных действий (в частности, от кровной мести). Важную часть представляет собой соглашение сторон о материальной помощи потерпевшим или членам их семей. Примирение понимается как результат посреднической деятельности, а посредники — как третья сторона конфликта, обладающая достаточным авторитетом для достижения удовлетворения обеих сторон конфликта, особенно жертвы (Зюков 2009: 102–111). С деятельностью примирительных комиссий юристами связывается низкий уровень уголовных преступлений в республиках Северного Кавказа (Гишинский 2007: 100, 459).

Важно стремление к удовлетворению пострадавшей стороны. Пострадавшая сторона должна получить более того, чего ее лишили, только тогда она может чувствовать себя удовлетворенной. Обидчик не может отдать более того ущерба, который им был причинен, иначе он сам станет пострадавшей стороной. Одновременно судебное решение, направленное исключительно на наказание преступника, не может привести к удовлетворению сторон. У государства нет возможностей заставить преступника дать такую компенсацию, которая бы удовлетворила пострадавшую сторону и компенсировала ее страдания. Убийство в силу уникальности человеческой личности вообще не компенсируется, так же как нельзя вернуть увечному его прежнее состояние. Народные судебные практики более толерантны по отношению к жертве.

В традиционной культуре примирение, в частности кровных врагов, становилось возможным, когда виновная сторона, признавшая свое поражение в противоборстве, шла на примирение, демонстрируя готовность к подчинению. В традиционном чеченском обряде примирения кровников посредники обеспечивали встречу сторон и возможность проведения ритуала примирения, удаляясь на последнем его этапе. Оставшись в одиночестве на кладбище, инициаторы примирения стояли на коленях, вымаливая прощение. Во время этого обряда кающийся преступник был обернут в белый саван, как покойник, и если получал прощение от бывших врагов, то самый близкий родственник убитого обривал ему голову. Таким образом, один из участников обряда переживал то, что в обычной ситуации считалось серьезным оскорблением. Поэтому трудно говорить о достижении удовлетворения обеими сторонами, если посредники оставляли их без своего присутствия (Сайдуллаев 2003: 70). То, что виновник превращался в жертву, было формальным завершением конфликта и обеспечивало моральное равенство сторон.

Напротив, участие в примирении посредников вело к уравниванию позиций сторон. В доказательство можно привести следующий пример. Известно, что обычное право разрешало взимать с обидчика потерю в имуществе или чести. Процесс возмещения давал возможность нанести обидчику такой урон, что он становился жертвой. Следовательно, сам процесс обретал бесконечность, а приговор бессмысленность. М. Ковалевский отмечает: «Чтобы избежать непрекращающейся цепи самоуправств, естественно было предоставить выборному сторонами посреднику решение вопроса о том, в какой мере сделанный захват покрывает имущественную претензию захватчика и не следует ли вернуть должнику часть конфискованной у него собственности. Мы видели образец таких порядков в быту ингушей и хевсур» (Ковалевский 2006: 72).

Для участия в судебном разбирательстве приглашенные посредники принимали присягу, становясь третьей стороной судебного процесса, от лица которой декларировалось то, что всеми принималось за истину. Действия посредников были окружены ореолом сакрального, участие уважаемых лиц усиливалось клятвой, т. е. указанием на их причастность к миру божественных сил. Свидетельства посредников, принявших присягу, принимались на веру. У осетин посредники из числа уважаемых лиц, которым приходилось вести переговоры между тяжущимися сторонами, назывались *миновар лагте*, «установители мира» (Ладыженский 2003: 61).

Без присяги у горцев Северного Кавказа принимались во внимание только слова умирающего (Ладыженский 2003: 118). Заменой клятвы могли быть ордалии и другие испытания, например прыжки через зажженную волчью жилу. Распространенными видами клятвы у мусульман были клятва на Коране и так называемая кебинная клятва, грозившая расторжением брака (Ладыженский 2003: 120).

Сама схема действия посредников описана во многих источниках. Она проста, но показательна. В описании М. Ковалевского, характеризовавшего ход судебного процесса у сванов (с аналогами у осетин и чеченцев), выделяются следующие моменты:

- независимость и параллелизм свидетельства под присягой и поиска истины («уголовное разбирательство идет своим порядком, и решение суда будет приведено в исполнение независимо от тех мер, какие будут предложены теми, кто принял присягу»);

- временное (но с перспективой долговременности) совмещение позиций посредников (соучастников) и пострадавшей стороны (дважды повторяется формула о принятии соучастниками дела как собственного);
- присяжники принимают на себя ответственность за нарушение присяги в той же мере, что и стороны конфликта, но переадресуют ее виновникам нарушения клятвы;
- имеет место обращение к нормативно-сакральному (обязательно присутствует присяга, имеющая приоритет над реальными фактами).

Судебный процесс с посредниками проводили до согласия сторон или хотя бы до согласия самих посредников, когда они действовали в качестве судей (Леонтович 2002: 123–125).

Посредничество имело моральную силу: нет причин, по которым самоуправство сторон не могло быть отложено до времени, следующего до приговора (Ковалевский 2006: 73). Начинался суд с участием посредников с установления согласия сторон решить спор мирным путем. Сначала два человека присягали в том, что жалоба является основательной, или принималась клятва жалобщика и двух его свидетелей (Комаров 1868: 86).

Число присягающих должно быть, по одной версии, четным с обеих сторон. В описании присяги у сванов упоминается о присутствии восьми человек с каждой стороны. Очевидно, это число можно считать значимым. Упоминание восьми не представляется случайным, имея значение предельного. Но для серьезного разбирательства выставлялось, например со стороны убийцы, 12 присяжников, при обвинении в воровстве у сванов было шесть присяжников, при менее значительных делах — четыре или даже два. Однако есть данные и о числе присягающих от одного до пяти (Ладыженский 2003: 61). У адыгов суд имел сословный характер, от каждого сословия выдвигалось по четыре или по шесть присягающих (Леонтович 2002: 121). В особо важных случаях число присяжников доходило до 60.

Число присяжников зависело от степени развития отношений социального неравенства, поэтому равенство в численности присяжников с обеих сторон не должно рассматриваться как общее, а возможно, и изначальное правило. Лица более знатного происхождения выставляли меньшее число присяжников. Следовательно, четность числа присяжных объясняется, очевидно, символическими установками.

Минимальное число посредников назначалось при свидетельствовании, максимальное — когда назначалась присяга. Парность была важной особенностью процесса, возможно из соображений равенства сторон. Но все же число присяжников-посредников варьировалось, хотя часто ограничивались двумя персонами. При составлении завещания или обвинении мужчин и женщин в прелюбодеянии у кабардинцев и черноморских адыгов требуется присутствие двух наблюдателей. По осетинским адатам, два наблюдателя присутствуют в тех случаях, когда оглашается согласие сторон подчиниться приговору или когда подтверждается решение об уплате доказчику вознаграждения за разыскание преступника (Леонтович 1883: 68, 76). Обычным присутствием двух наблюдателей было при принесении разных клятв и заключении имущественных договоров у чеченцев. Почти всегда существовало требование назначать двух человек, присутствующих при обвинении в преступлении, при акте освобождения вольноотпущенника, при составлении завещания (Леонтович 1883: 29, 71, 75).

По судебнику Мхитара Гоша, считалось недостаточным присутствие одного свидетеля, требовалось, чтобы их было два или три. Законы Вахтанга разрешали ограничить число свидетелей двумя, но только если они отличались высокими моральными качествами (Ковалевский 2006: 145).

По обычному праву, использовавшемуся в горском суде в Нальчике, требовалось увеличить число свидетелей вдвое, если одним из них была женщина (Ковалевский 2006: 177). М. М. Ковалевский посчитал необходимым отметить относительно права народов Дагестан, ссылаясь на каноны шариата шафиитского масхаба, что требовалось в случае убийств или прелюбодеяния наличие четырех свидетелей со стороны обвинения, в остальных уголовных делах было

достаточно двоих (Ковалевский 2006: 177). Современные исследователи предпочитают видеть зависимость числа свидетелей и соприсяжников от тяжести преступления и размера иска (Хашаев 1961: 264).

Выделяются следующие категории посредников:

- родственники с каждой из сторон, участвующих в тяжбе;
- уважаемые люди, старики, священнослужители;
- свидетели проступка;
- доносчики о совершенном преступлении (свидетели обвинения).

В целом присяга родственников является архаизмом, не способствующим развитию уголовного права. Если эта группа свидетельствовала о невиновности обвиняемого — члена их семьи, то их слова воспринимались как истина. Преступление оставалось нерасследованным и ненаказанным. Другая сторона тяжбы должна была с этим смириться или же прибегнуть к насилию в перспективе получить всеобщее осуждение. Показания против присяги родственников не принимались во внимание, сколь бы убедительны ни были доказательства противной стороны.

Также архаичным и не имевшим исторической перспективы был обычай «казамы». Обычай состоял в том, что «каждый раз, когда убийца не был известен, родственникам в числе 50 человек предоставлялось право указать на любое лицо как на виновника убийства. Лицо, на которое падало подозрение родственников жертвы, могло освободить себя от ответственности не иначе, как поставив 50 свидетелей со своей стороны или свидетелей из людей, близких ему по крови» (Ковалевский 2006: 128).

Свидетели проступка присягали так же, как и родственники. Многие свидетели были готовы свидетельствовать только после присяги родственников о виновности или невиновности человека, подозреваемого в преступлении (Ковалевский 2006: 177).

О своеобразной функции доносчика писал М. Ковалевский: «Невозможность раскрытия истины с помощью свидетелей — причина тому, что татары (балкарцы) обыкновенно прибегают к помощи сыщика или т. н. доказчика (*камдзога* у осетин, *айрахчи* у балкарцев). Сыщик, нередко принадлежащий к одной компании с вором, берется за деньги разыскать похищенное и предоставить суду достаточные улики против похитителя. При неисполнении обещания он соглашается вознаградить доверившегося истца той же суммой, какую истец вправе требовать от обидчика. Платеж, даваемый в пользу доказчика, нередко равняется ценности украденного» (Ковалевский 2006: 178). Доказчик, не удовлетворивший пострадавшую сторону, становился на место обвиняемого (Шанаев 1873: 20). Разоблаченный лжедоказчик становился объектом кровной мести, однако если человека обвиняли в лжесвидетельстве, то за это также мстили.

Фигура доказчика значительно вырастает в масштабах. Он не ведет расследования, так как обладает всей полнотой информации. Как показывалось выше, доказчик не высказывает своего мнения об обстоятельствах дела, его мнение растворяется в свидетельствах соприсяжников — родичей тяжущихся. Рискует ли он своим имуществом или нет, указывает ли он на преступника или скрывает его, он приносит материальное и моральное удовлетворение пострадавшей стороне. При этом, по общепринятому выражению «кровь доказчика как груша, упавшая с дерева», он оказывается вне закона, нападение на него не преследуется по законам кровной мести (Ковалевский 2006: 379). Осетины в XIX в. свидетельство доносчиков на суде рассматривали как аморальное действие, аналогичное шпионству (Ковалевский 2006: 289). Понятно, что для самого доказчика участие в судебном процессе было небезопасным делом, и можно предположить, что его охранял авторитет посредников.

Обязательность исполнения решения суда с участием посредников обеспечивалась силой клятвы. Сила клятвы была такова, что ее практически нельзя было подвергнуть сомнению (Амиров 1873: 38). Известно, что однажды суд постановил, что тот, кто был признан преступником на основании присяги 40 родственников, будет считаться таким, даже если будет установлена действительно его невиновность (Адаты 1873: 85).

Определяя меру наказания виновнику, одновременно выносили решение, обеспечивавшее гарантию его выполнения. Такой гарантией было назначение обеими сторонами в перекрестном порядке поручителей, каждый из которых обязан был поручиться за своих родственников в безусловном выполнении решения суда. Поручитель в присутствии свидетелей обязывался принудить членов общины к исполнению решения суда. Поручитель свои обязанности отправлял за вознаграждение со стороны обвиненного.

Если поручитель не выполнял взятой на себя обязанности, то ему грозило бесчестие. М. Ковалевский отмечал, что «решение посредников по самой природе своей не имело ничего обязательного», и если осужденная сторона не соглашалась исполнить такое решение, то продолжалось ее преследование. Однако дальше он сообщает, что обычному праву горцев свойственно придать обязательную силу приговора. Поэтому с этой целью «осетины требуют или предварительного назначения сторонами поручителей в том, что приговор будет исполнен (т. е. они, очевидно, заранее соглашаются быть гарантами исполнения приговора), или частичного исполнения приговора до момента его оглашения (Ковалевский 2006: 108). По некоторым данным, у кабардинцев обязанность преследовать неисполнительного преступника возлагалась на все общество.

В случае необходимости группа посредников могла быть увеличена. Обычно представители обеих сторон тяжбы совместно определяли размер выплаты за преступление. Если они не могли договориться, то тогда обращались к третьему лицу, которое и выносило окончательное решение (Ковалевский 2006: 73).

Еще одна связь между частной и общей категориями посредничества обнаруживается в топологии осуществления посредничества, поэтому мы обращаем внимание на место проведения суда и принесения клятвы присяжниками. В большинстве случаев выбиралось открытое место. У чеченцев только в случае ненастья судьи отдавали распоряжение установить шатер. Как правило, судьи должны были принять решение в течение двух суток, перерывы в процессе допускались лишь на проведение молитвы и принятие трапезы. Не допускалось во время перерыва на молитву и трапезу передвижение судей и конфликтующих сторон далее, чем на 20 шагов по окружности от места, где производилось судебное разбирательство. Посредники следили, чтобы на месте встречи было определено расстояние, достаточное, чтобы стороны не могли вступить в схватку (Леонтович 2002: 172–173). Все действия должны были проходить при свидетелях. Запрещался без свидетелей даже ишкиль — возмещение ущерба разграблением имущества преступника.

У балкарцев и осетин для присяги и судебного разбирательства было приспособлено особое место сбора старейшин *ныхас*, находившееся над селением. У чеченцев суд проходил около склепов — усыпальниц предков. В адыгских селах местами сбора мужчин были речные мысы и небольшие рощи на окраине селения, а также места, связанные с важными событиями (Колубакин 2001: 181). У абхазов и части адыгов судебные процесс и присяги проходили в кузнице.

Клятва у могилы, святилища и церкви была формой очистительной присяги всего общества (Магометов 1974: 315). Присяга у святилища считалась настолько сильной, что при ее принесении все присутствующие стремились как можно быстрее удалиться от этого страшного места.

У грузинских горцев-христиан присяга, данная в одном храме и на соответствующей иконе, считается действеннее присяги, принесенной в другом храме. Существует иерархия храмов Сванетии. Виды присяги на иконах были различны. Могла быть присяга на воде, которой была обмыта икона. При присяге в одном из сванских обществ присягающий кидал пулю в икону, а священник для усиления присяги бросал ее обратно (Ковалевский 2006: 290). Также в Сванетии клялись светом зажженного огня, матерью землей, шей быка, хлебом, бараном (клятва пастухов), именем старшего брата (клятва девушек), именем детей (клятва замужней женщины), типична была клятва на пиве («пусть рассеется род присягающего как разливается это пиво, если будет нарушена клятва») (Ковалевский 2006: 350).

В Хевсуретии и Тушетии, в центральной части Северного Кавказа имела место присяга с кошкой над могилой погибшего родственника (Ковалевский 2006: 372).

Если осетина подозревали в преступлении, то он вместе со свидетелями отправлялся к водному источнику вдали от дороги, на берегу реки вырывал ножом ямку, к которой обращался как к месту погребения своих предков, призывая их в свидетели своей правоты (Рейнеггс 1967: 93). У осетин и ингушей существовало правило установления такой дороги, по которой разрешалось без опаски передвигаться человеку, преследуемому кровными врагами (Магометов 1974: 280–281).

Названные примеры, число которых может быть расширено, позволяют сделать вывод, что посредничество имело не только важную практическую функцию примирения сторон конфликта. В нем существовало отнюдь не стремление к справедливости судебного решения, в частности к справедливому наказанию. Собственно, оно и не предлагалось. Главным было то, что пострадавшим предлагалось соучастие силы мирового порядка в виде либо авторитетных персонажей, либо сакрализованных предметов и мест.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаты даргинских обществ // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис: Изд. Кавказск. горского упр., 1873. С. 1–128.
- Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана: из дневника гимназиста // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис: Изд. Кавказск. горского упр., 1873. С. 1–80.
- Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
- Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 3. Кн. II. Владикавказ: Издание Терского обл. статист. Комитета, 1893. С. 41–132.
- Далгат Б. У. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Владикавказ, 1930. С. 301–364.
- Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009.
- Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: в 2 т. Т. 1. Майкоп: ОАО Афиша, 2006.
- Колюбакин Н. П. Взгляд на жизнь общественную и нравственную племен черкесских (извлечение из записок) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. С. 179–184.
- Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис: Изд. Кавказск. горского упр., 1868. С. 12–98.
- Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
- Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: тип. П. В. Зеленина, 1882.
- Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса: тип. П. В. Зеленина, 1883.
- Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2002.
- Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе: Ир, 1974.
- Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Газета «Каспий». 1894. № 38.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев» от 19 марта 1969 г. № 47 (в редакции постановления Пленума от 21.12.93 № 11) // Сборник Пленумов Верховного Совета РФ. М.: Юридическая литература, 1994.
- Пфаф В. Э. Народное право у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1. Тифлис: Изд. Кавказск. горского упр., 1871. С. 258–325.
- Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 90–104.
- Рулан Н. Юридическая антропология. М.: НОРМА, 2000.
- Сайдуллаев М. М. Чеченский конфликт: истоки, движущие силы, пути урегулирования (этнополитический аспект). М.: Джей Ти Принт, 2003.

- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983.
- Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Худадов Н. А. Заметки о Хевсуретии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 14. Вып. 1. Тифлис, 1890. С. 62–96.
- Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 7. Тифлис: Изд. Кавказск. горского упр., 1873. С. 1–20.

REFERENCES

- Amirov G.-M. Sredi gortsev Severnogo Dagestana: iz dnevnika gimnazista [Among the Mountaineers of Northern Dagestan: From the Diary of a High School Student]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniia, 1873, issue 7, pp. 1–80. (In Russian)
- Dalgat V. K. Pervobytnaia religiia chechentsev [The Primitive Religion of the Chechens]. *Terskii Sbornik* [Tersk Collection of Articles]. Vladikavkaz: Izdanie Terskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta, 1893, vol. 3, bk. II, pp. 41–132. (In Russian)
- Dalgat V. U. Materialy po obychnomu pravu ingushei [Materials on the Customary Law of the Ingush]. *Izvestiia Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniia*, Vladikavkaz, 1930, issue 2, pp. 301–364. (In Russian)
- Gilinskii Ya. I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otkloneni"* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"]. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russian)
- Khashaev Kh.-M. *Obshchestvennyi stroi Dagestana v XIX v.* [The Social Structure of Dagestan in the 19th Century]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russian)
- Khudadov H. A. Zametki o Khevsuretii [Notes about Khevsureti]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society], Tiflis, 1890, bk. 14, issue 1, pp. 62–96. (In Russian)
- Koliubakin N. P. Vzgliad na zhizn' obshchestvennuiu i нравstvennyu plemen cherkesskikh (Iz vlecheniye iz zapisok) [A Look at the Social and Moral Life of the Circassian Tribes (Extract from the Notes)]. *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian Authors of the 20th Century on the Peoples of the Central and Northwest Caucasus]. Nal'chik: El'-Fa, 2001, vol. 1, pp. 179–184. (In Russian)
- Komarov A. V. Adaty i sudoproizvodstvo po nim [Adats and Legal Proceedings on Them]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniia, 1868, issue 1, pp. 12–98. (In Russian)
- Kovalevskii M. M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and Custom in the Caucasus], vol. 1. Maykop: OAO Afisha, 2006. (In Russian)
- Ladyzhenskii A. M. *Adaty gortsev Severnogo Kavkaza* [Adats of the Highlanders of the North Caucasus]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTS VSH, 2003. (In Russian)
- Leontovich F. I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the North and East Caucasus], vol. 1. Odessa: Tipografiia P. V. Zelenina, 1882. (In Russian)
- Leontovich F. I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the North and East Caucasus], vol. 2. Odessa: Tipografiia P. V. Zelenina, 1883. (In Russian)
- Leontovich F. I. *Adaty kavkazskikh gortsev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian Highlanders. Materials on the Customary Law of the North and East Caucasus], issue 1. Nal'chik: Izdatel'skii tsentr "El'-Fa", 2002. (In Russian)
- Magometov A. Kh. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin* [Social System and Life of the Ossetians]. Ordzhonikidze: Ir, 1974. (In Russian)
- Pfaf V. E. Narodnoe pravo u osetin [People's Law among the Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniia, 1871, vol. 1, pp. 258–325. (In Russian)
- Reyneggs Ya. *Obshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza* [General Historical and Topographic Description of the Caucasus]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XII–XIX vv.)* [Ossetians

through the Eyes of Russian and Foreign Travelers (12th–19th Centuries)]. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, pp. 90–104. (In Russian)

Rouland N. *Iuridicheskaia antropologiya. Uchebnik dlia vuzov* [Legal Anthropology. University Textbook]. Moscow: NORMA, 2000. (In Russian)

Saidullaev M. M. *Chechenskii konflikt: istoki, dvizhushchie sily, puti uregulirovaniia (etnopoliticheskii aspekt)* [The Chechen Conflict: Origins, Driving Forces, Ways of Settlement (Ethnopolitical Aspect)]. Moscow: OOO "IT Print", 2003. (In Russian)

Shanaev D. T. Prisiaga po obychnomu pravu u osetin [Ossetians' Oath of Customary Law]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of Information about the Caucasian Highlanders]. Tiflis: Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniia, 1873, vol. 7, pp. 1–20. (In Russian)

Smirnova Ya. S. *Sem'ia i semeinyi byt narodov Severnogo Kavkaza* [Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)

Ziukov A. M. *Krovnaia mest': vnepravovoi obychai i gosudarstvenno-pravovaia politika* [The Blood Feud: Extralegal Custom and State-Legal Policy]. Vladimir: IP Zhuravleva, 2009. (In Russian)

Submitted: 16.06.2021

Accepted: 01.11.2021

Published: 15.12.2021